Элмет

Автор:
Фиона Мозли

Элмет

Фиона Мозли

Большой роман

Впервые на русском – дебютный роман молодой англичанки Фионы Мозли, вошедший в шорт-лист Букеровской премии 2017 года. Критики не скупились на похвалы: «ошеломительный дебют… доподлинное чудо…» (Evening Standard), «искусно выстроенная современная притча, выдающееся достижение» (Times Literary Supplement). Газета Guardian охарактеризовала этот роман как «сельский нуар, пропитанный мифами и легендами заповедного Йоркшира», а Sunday Times – как «приключения Ганзеля и Гретель в мире „Крестного отца“».

Итак, добро пожаловать в Элмет – так называлось королевство древних бриттов, располагавшееся на территории современного Йоркшира. Там в сельской глуши, в своими руками построенном доме поселяется необычное семейство – брат с сестрой и их двухметровый отец, зарабатывающий на жизнь подпольными кулачными боями и желающий оградить детей от жестокости современной цивилизации. Но семейная идиллия недолговечна, и в центре нового конфликта оказываются дети, особенно старшая забияка Кэти, гораздо больше похожая на отца, чем мечтательный младший Дэниел…

Фиона Мозли

Элмет

Fiona Mozley

ELMET

Copyright © 2017 by Fiona Mozley

All rights reserved

Originally published in Great Britain in 2017 by JM Originals, an imprint of John Murray (Publishers), a Hachette UK Company.

The author asserts the moral right to be identified as the author of this work.

Серия «Большой роман»

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Меган

Элмет был последним независимым королевством кельтов на территории Англии, изначально занимая большую часть Йоркской долины… Еще в семнадцатом веке эта отрожистая гряда невысоких, сглаженных древними ледниками холмов с вересковыми пустошами на гребнях считалась «бесплодной землей» и служила пристанищем для людей вне закона.

Тед Хьюз. Остатки Элмета[1 - «Остатки Элмета» – книга стихов британского поэта-лауреата Теда Хьюза (1930–1998), опубликованная в 1979 г. и посвященная описанию его родных мест в западном Йоркшире. – Здесь и далее примеч. перев.]

I

Я не отбрасываю тени. Облако дыма висит позади, приглушая солнечный свет. Я считаю шпалы и сбиваюсь со счета. Начинаю считать рельсовые стыки. Я иду на север. Два моих первых шага были медленными и неуверенными. Я сомневался, выбирая направление, но сейчас, когда выбор сделан, остается только идти вперед. Это чем-то сродни турникету с односторонним проходом.

Я все еще чувствую запах гари. Вижу обугленный остов дома. Вновь слышу эти голоса: несколько мужских и один женский. Ярость. Страх. Решимость. Затем гибельная дрожь деревянных перекрытий. И языки пламени. Порыв жаркого, сухого воздуха. Моя сестра с кровавыми потеками на коже, а потом всему этому конец.

Продолжаю идти вдоль путей. Заслышав отдаленный шум поезда, ныряю за куст боярышника. На сей раз это не пассажирский, а товарняк. Глухие стальные вагоны украшены аляповатыми эмблемами: геральдика их юности, оставшейся в давнем прошлом. А поверх этого – ржавчина, грязь и многолетние наслоения смога.

Накрапывает дождь, потом он прекращается. Ветви кустов отяжелели от влаги. Сырая трава поскрипывает под ботинками. Мышцы начинают болеть, но я не обращаю внимания. Я бегу. Я иду. Снова бегу. Еле волочу ноги. Делаю

передышки. Пью дождевую воду из углублений в бетоне. Поднимаюсь. Иду дальше.

Меня терзают сомнения. Если она, дойдя до железной дороги, свернула на юг, то шансов у меня нет. Тогда ее уже не найти. Тогда я могу сколько угодно шагать, бежать трусцой или нестись во всю прыть, а могу и остановиться, лечь поперек пути и ждать, когда меня разрежут колеса очередного поезда: разницы никакой. Если она свернула на юг, она для меня потеряна.

Но я выбрал север и следую в этом направлении.

Я не признаю ограничений и запретов. Я нарушаю границы частных владений. Я преодолеваю заборы из колючей проволоки и запертые ворота. Я прохожу через промышленные зоны и через садовые участки. Для меня не существуют пределы графств, городов и сельских приходов. Я иду напрямик через пашню, пастбища или парки.

Рельсы ведут меня между холмами. Поезда катят вдоль склонов, ниже вершин, но и не по самому дну расселин. Я устраиваюсь ночевать на краю мохового болота, наблюдаю за ветром, за воронами, за далекими автомобилями на шоссе; вспоминаю эти же края, только южнее, только раньше, в другое время; затем наплывают воспоминания о доме, о семье, о прихотях судьбы, о началах и концах, о причинах и следствиях.

Поутру я продолжаю свой путь. Под моими ногами – остатки Элмета.

Глава первая

Мы приехали сюда в начале лета, когда вся округа пышно зеленела, дни были длинными и жаркими, а солнечный свет зачастую смягчался облачной пеленой. Я разгуливал без рубашки (к чему пропитывать ее потом?) и нежился в объятиях густого воздуха. В те месяцы мои костлявые плечи покрылись россыпью веснушек. Солнце садилось медленно; по вечерам небо приобретало оловянный оттенок, а после недолгой ночной тьмы уже вновь пробивался рассвет. Кролики вовсю резвились в полях, а при некотором везении, в безветренный день с

легкой дымкой на склонах холмов, нам случалось увидеть и зайца.

Фермеры отстреливали хищников и вредителей, а мы ловили силками кроликов для рагу. Но только не зайца. Моего зайца. Точнее говоря, зайчиху, которая обитала со своим выводком в гнезде где-то под железнодорожной насыпью, давно притерпевшись к периодическому грохоту составов. Я никогда не видел ее вместе с зайчатами; всякий раз она тихо и незаметно покидала гнездо в одиночку. Такое поведение – надолго оставлять потомство и носиться туда-сюда по полям – было нехарактерно для ее сородичей в этот период лета. Она все время что-то искала: еду или, может, самца. Причем стиль этого поиска больше напоминал охоту, как будто зайчиха однажды по здравом размышлении отказалась от привычной роли жертвы и решила перейти в разряд преследователей. Для наглядности вообразите гонимого лисой зайца, который вдруг, резко остановившись, разворачивается, и далее погоня идет уже в обратном порядке.

Как бы то ни было, эта зайчиха отличалась от всех прочих. Когда она пускалась во всю прыть, я с трудом улавливал ее взглядом, а когда замирала на месте, то в эти мгновения она была самым неподвижным объектом из всех на многие-многие мили вокруг. Неподвижнее дубов и сосен. Неподвижнее скал и столбов. Неподвижнее рельсов и шпал. Казалось, она вдруг завладевала окружающей местностью и пришпиливала ее собою прямо в центре, так что даже самые спокойные, самые статичные объекты непостижимым образом начинали вращаться вокруг нее, затягиваемые, как водоворотом, ее громадным круглым янтарным глазом.

Если зайчиха казалась целиком сотканной из мифов, то таковой была и земля под ее ногами. Все это графство, ныне реденько утыканное рощами, некогда считалось дремучим лесным краем; и по сей день в ветреную погоду еще можно почувствовать призрачное присутствие той реликтовой чащи. Почва жила бесчисленными историями, что расцветали, чахли и перегнивали, чтобы затем вновь пустить корни, пробиться через подлесок и сделаться частью нашей жизни. Предания о следящих за путниками «зеленых человечках» с листвяным лицом и кривыми сучковатыми ногами. Сиплый лай вошедших в раж гончих, в последнем рывке настигающих добычу. Робин Гуд и его шайка отморозков с их лихими пересвистами, борцовскими состязаниями и буйными попойками – вольные как птицы, чьи перья они носили на своих шляпах. В старину лес широкой полосой тянулся с севера на юг. Здесь водились кабаны, медведи и волки. Лани, косули, олени. Мили грибницы под землей. Подснежники,

колокольчики, примулы. Но вековые деревья уже давно уступили место пашням, лугам, зданиям, шоссейным и железным дорогам, так что от прежнего леса лишь местами сохранились рощи вроде нашей.

Папа, Кэти и я обитали в доме, сооруженном Папой из материалов, какие удалось раздобыть поблизости. Он выбрал для жилища эту ясеневую рощу из-за ее местоположения: через два поля от железнодорожной магистрали, идущей вдоль восточного побережья, – достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченными, но и достаточно близко, чтобы слышать и различать поезда. А слышали мы их часто: звонкий гул пассажирских экспрессов и одышливое пыхтение товарняков, скрывавших свои грузы за стенками размалеванных стальных вагонов. У них были четкие расписания и интервалы, и наш дом, как дерево годовыми кольцами, обрастал их регулярной циркуляцией и перезвоном колес, подобным «музыке ветра». Длинные, цвета индиго «Аделанте» и «Пендолино»[2 - «Аделанте» и «Пендолино» – марки скоростных пассажирских поездов, используемых в Великобритании; при этом «Аделанте» являются дизель-поездами, а «Пендолино» – электропоездами.], что курсировали между Лондоном и Эдинбургом. Поезда покороче и постарше, со ржавчиной на дребезжащих пантографах. Почтенные ветераны, похожие на старых ломовых лошадей, плетущихся в свой последний путь на живодерню; они были слишком медлительны для новых путей и проскальзывали колесами по горячекатаной стали, как скользит дряхлый старик на заледенелой луже.

В первый же день нашего пребывания на этом холме сюда подкатил грузовик с отставным солдафоном за рулем. Кузов и прицеп грузовика были наполнены битым камнем с какой-то заброшенной строительной площадки. Солдафон предоставил Папе выполнять большую часть работы по разгрузке, а сам пристроился на свежесрубленном бревне и одну за другой курил самокрутки, которые делала для него Кэти из собственных запасов табака и бумаги. Он внимательно следил за тем, как она сворачивает очередную сигарету и проводит кончиком языка по клеящему краю бумаги. Он задерживал взгляд на ее правом бедре, где был пристроен кисет, и несколько раз брал его под предлогом чтения надписей, наклоняясь вперед и как бы невзначай задевая ее руку. А когда Кэти делала самокрутки для себя, он спешил поднести огоньку и обижался, как маленький, всякий раз, когда она вместо этого прикуривала от своей зажигалки. При этом он явно не замечал насупленного, сердитого выражения ее лица. Он был не из тех, кто может, взглянув на лицо человека, сразу понять, что к чему. И уж точно не из тех, кто способен угадывать мысли по

глазам и движениям губ. Да ему, небось, даже в голову не приходило, что за милым личиком могут скрываться отнюдь не такие же милые мысли.

Этот вояка полдня трепался об армии, о своих бравых похождениях в Ираке и Боснии, о парнишках моего возраста со вспоротыми животами, кишками наружу и посиневшими лицами, каковых он якобы навидался в тех краях. Он как будто слегка темнел изнутри, когда рассказывал эти истории. Папа весь день занимался домом, а вечером мужчины спустились к подножию холма, чтобы распить на двоих пластиковую бутыль сидра, привезенную солдафоном. Папа там надолго не задержался. Он вообще не особо тяготел к выпивке и веселым компаниям, вполне довольствуясь обществом моей сестры и меня.

По возвращении Папа сказал, что у них с воякой вышла размолвка. Кончилось тем, что Папа подрихтовал ему физию левым хуком, при этом слегка раскровянив себе большой палец сбоку от костяшки.

Я спросил, из-за чего случилась их ссора.

– Из-за того, что он был поганцем, Дэниел, – пояснил Папа. – Просто он был поганцем.

И мы с Кэти признали это веским основанием.

С виду наш дом не особо отличался от большинства летних дач или скромных коттеджей на окраинах заштатных городков, где коротают свой век старики и всякая беднота. Папа не был архитектором, но его навыков и умений хватило на то, чтобы следовать эскизному проекту, который он походя умыкнул из какой-то муниципальной конторы.

В то же время дом этот был куда прочнее большинства своих собратьев, поскольку при его возведении использовались более качественные кирпичи, цемент, камни и бревна. Я не сомневался, что он сможет простоять в целости и сохранности на десятки сезонов дольше, чем хибары, понастроенные вдоль трасс перед въездом в город. Да и смотрелся он не в пример симпатичнее. Зеленый мох и лесной плющ наперегонки карабкались по его стенам, дабы он как можно скорее вновь слился с окружающим ландшафтом. Каждый раз при смене времен года дом казался все более старым по сравнению с его

действительным возрастом, а чем старше он выглядел, тем крепче была наша вера в его надежность и долговечность – как оно и положено всем настоящим домам и всем людям, называющим эти дома родными.

Как только внешние стены достигли проектной высоты, я приступил к разбивке цветника. Воспользовался траншеей, которую Папа выкопал под фундамент, а после его закладки так и не удосужился засыпать оставшийся проем. Я этот проем расширил и натаскал туда компоста, а также свежего навоза из конюшен в восьми милях от нас, где маленькие девочки в желто-коричневых бриджах и блескучих сапожках катались на пони в манеже с заливным освещением. Я посадил фиалки, нарциссы и розы самых разных цветов, а также черенки какого-то вьющегося растения с белыми цветками, которое обнаружил на одной старой каменной изгороди. Время года было неподходящим для посадки, но некоторые семена все же проросли, а на следующий год молодых побегов стало больше. Терпеливое ожидание – вот из чего составляется воистину родной дом. Ты постепенно делаешь его своим, обживаешь, приспосабливаешь его и себя к сменяющимся сезонам, к проходящим месяцам и годам.

Мы прибыли сюда перед моим четырнадцатым днем рождения, а Кэти чуть ранее стукнуло пятнадцать. Лето только начиналось, и у Папы было довольно времени для строительства. Он собирался полностью управиться задолго до наступления зимы, и уже к середине сентября в доме были созданы мало-мальские условия для проживания. А до того мы ночевали в двух списанных армейских фургонах, которые Папа приобрел у одного барыги в Донкастере и перегнал сюда окольными проселочными дорогами. Мы протянули между ними несколько стальных тросов, а поверх настелили брезент, надежно его закрепив, и в результате получили укрытие от дождя. Папа спал в одном фургоне, мы с Кэти в другом, а под брезентовым навесом расположились видавшие виды садовые стулья из пластика, к которым через некоторое время добавился продавленный синий диван. Мы использовали этот пятачок в качестве гостиной. Посуду мы держали на перевернутых старых ящиках, повыше от земли, и на такие же ящики удобно клали ноги теплыми летними вечерами, когда не было других занятий, кроме как сидеть вразвалочку, болтать о том о сем и распевать песни.

В хорошую погоду мы оставались снаружи до утра. Настраивали радио в обоих фургонах на одну волну, и под это «лесное стерео» мы с Кэти танцевали на травяной танцплощадке, не беспокоясь насчет громкости музыки, которая все равно не могла потревожить соседей за отсутствием таковых в пределах

слышимости. Иногда мы сидели и пели, не включая радио. Несколько лет назад Папа купил мне деревянную блокфлейту, а Кэти – скрипку. Мы брали бесплатные уроки, когда еще ходили в школу. Виртуозами мы, ясное дело, не стали, но дуэтом звучали неплохо – во многом благодаря самим инструментам. Папа сделал удачный выбор. Он был полным профаном в музыке, но зато знал толк в хороших вещах. О достоинствах инструментов он судил по характеристикам древесины, из которой они были сделаны, по качеству склейки, запаху лака и ровности стыков между деталями. Мы ездили за ними аж в самый Лидс.

В чем Папа разбирался отлично, так это в деревьях. Вскоре после того, как мы решили поселиться на этом холме, он изучил здешнюю растительность и ознакомил с ней меня. Почти все ясени были в возрасте от одного до пятидесяти лет. Папа считал, что роща образовалась уже давно – возможно, сотни лет назад. Чем ближе мы подходили к самому ее центру, тем старше были деревья, а одно из них, явно самое старое, Папа назвал материнским и сказал, что от него произошли все остальные. Ему было не менее двухсот лет, а его твердая кора напоминала застывшие потеки смолы каури.

Помимо ясеней, в роще попадались кусты орешника; часть из них плодоносила. Папа срезал ветви и показывал мне, как мастерить поделки из свежей древесины с помощью одного лишь острого складного ножа. Я потратил немало дней на превращение обрубка ветки в тонкую флейту: удалил мягкую кору, вырезал мясистую сердцевину и долго провозился с внешней отделкой, стараясь, чтобы поверхность была как можно более гладкой, а выемки с дырочками точно соответствовали изгибу моих пальцев. Вот только извлечь из этой флейты звук мне не удалось. Посему я переключился на более практичные поделки, не требующие от резчика большого таланта и пригодные для использования даже в бракованном виде. Самая уродливая чашка все равно будет считаться чашкой, если она держит жидкость. Но если на флейте невозможно играть, она вообще недостойна называться флейтой.

В нашем лесном жилище имелась кухня с плитой и большим дубовым столом. А поначалу Папа готовил еду на примитивной жаровне, которую он соорудил из кусков рифленого железа, а древесный уголь выжигал в двух бочках из-под солярки, размещенных в глубине рощи, неподалеку от материнского дерева.

В ту пору мы ели слишком много мяса. Собственно, наша еда была такой же, какую готовил себе Папа до того, как мы стали постоянно жить с ним. А мясо он по большей части добывал охотой. Овощи и фрукты его не интересовали. Он

ловил силками лесных голубей и сизарей, горлиц, фазанов и куликов – обычно по вечерам, когда они вылетали из зарослей на открытое место. В этих краях водились и небольшие олени-мунтжаки, на которых он также охотился. Если же дичи попадалось мало, а у него имелись деньги или что-нибудь на обмен, он отправлялся в деревню, чтобы разжиться куском говядины или баранины либо связкой свиных сосисок. В разгар охотничьего сезона мы обычно завтракали самой мелкой дичью. Один дядька в деревне держал сокола, который добывал больше жаворонков, чем мог съесть его хозяин, и тот обменивал излишки добычи на наших птиц покрупнее, каких соколу не словить. Жаворонков мы ели в виде бутербродов, кладя их распластанные тушки на куски хлеба, и запивали горячим чаем с молоком.

Однажды Папа укатил куда-то с компанией странников[3 - Странники – имеются в виду кочевые этнические группы в Ирландии, Великобритании и США, по образу жизни и ряду обычаев схожие с цыганами, но генетически восходящие к коренному населению Ирландии и Шотландии. «Ирландские странники» шире распространены и гораздо более многочисленны – ок. 60 тыс. по сравнению с 2 тыс. «шотландских странников». Язык и тех и других основан на гэльском, но с многочисленными заимствованиями из других языков и намеренными искажениями слов, которые затрудняют его понимание посторонними.] и, вернувшись через четыре дня, привез целый мешок ощипанных уток и пять клеток с живыми курами. Курятник он соорудил напротив того места, где проектом дома предусматривалось заднее крыльцо. С той поры наш рацион пополнили яйца, а вот с овощами и фруктами – не считая ягод, которые мы собирали на обочинах дорог, – все обстояло по-прежнему.

Позднее, когда дом был уже построен, я посадил рядом несколько яблонь и слив, а Папа при каждом посещении деревни по моей просьбе стал приносить оттуда пакеты с морковью и пастернаком. Я шинковал их на чисто выскобленной поверхности кухонного стола папиными ножами, всегда острыми как бритва.

В пору строительства, в те несколько жарких сухих месяцев, когда мы вечерами пели у костра, Папа перемежал веселье вполне серьезными разговорами. Он был скуповат на слова, но мы с сестрой уже научились домысливать недосказанное. Он говорил о людях, с которыми дрался и которых порой забивал насмерть где-то на торфяных пустырях Ирландии или в черной грязи Линкольншира, прилипавшей к рукам и ногам, как чернила для снятия отпечатков пальцев. Папа боксировал за деньги в нелегальных боях без перчаток, проходивших вдали от

помпезных залов и спортивных арен, но деньги там крутились изрядные, и люди с кучей невесть как и где добытой налички съезжались с разных концов страны, чтобы сделать ставки на его победу. Только полные кретины ставили против нашего Папы. Он мог отправить соперника в нокаут первым же ударом, а если некоторые из его боев и продолжались дольше, то лишь оттого, что ему самому так хотелось.

Инициаторами этих поединков были странники либо какие-нибудь местечковые герои, желавшие проверить себя и попутно зашибить толику деньжат. Странники блюли бойцовские традиции на протяжении столетий. У них это называлось призовыми боями или честными боями. Дрались голыми кулаками и не делили поединки на раунды с перерывами для отдыха. Эти бойцы не ждали звона гонга, разводящего их по углам ринга; они бились вплоть до чьей-то капитуляции или смерти. Иногда посредством таких поединков разрешались конфликты между кланами странников, и в таких случаях на кону запросто могли оказаться десятки тысяч фунтов, так что и Папе на жизнь перепадало с лихвой.

Среди прочего Папа поведал нам о застарелой вражде между кланами Джойсов и Куинн-Макдонахов. Примерно раз в три года они выставляли своих бойцов на поединок, за подготовкой и проведением которого обычно следили нейтральные старейшины. В подобных случаях присутствие среди зрителей членов самих враждующих семейств не допускалось во избежание массового побоища с участием молодых и старых, мужчин и женщин – этак, чего доброго, нагрянут и легавые, чтобы разогнать сходку странников либо упаковать всех без разбора в автозаки с предоставлением ночлега в ближайшей каталажке.

Такие «межклановые поединки» сулили немалую выгоду, ибо ставки там были куда как выше обычных. Джойсы и Куинн-Макдонахи, помимо прочего, состязались и в суммах, поставленных ими на кон. Порой доходило до пятидесяти тысяч фунтов с каждой стороны, и все деньги доставались победившему клану, глава которого по традиции тем же вечером устраивал грандиозную попойку для своих людей. Папа говорил, что призовые бои были желанными для обеих сторон. По его словам, сама по себе ссора между кланами за давностью лет уже мало что для них значила, но всякий раз, когда у кого-то из главарей возникала нужда в деньгах, одновременно всплывала и тема очередного боя с расчетом на пополнение кассы. Так что дело было не только в родовой чести, но и в надежде сорвать большой куш.

Тот же куш, разумеется, интересовал и Папу. Наша семья не принадлежала к сообществу странников, и нам их кровная вражда была до лампочки. Папа бился исключительно ради заработка, кто бы ни устраивал бои: странники, цыгане, задиристые фермеры, городские уголовники, владельцы подпольных ночных клубов и баров, наркоторговцы, спекулянты или просто крутые парни, все достояние которых заключалось в их пудовых кулаках. Эта разношерстная братия находила общий язык и наскребала наличные всякий раз, когда появлялся шанс удачной ставкой умножить свой капитал. Папа обычно являлся на их сборища в джинсах и застегнутой под горло пилотской кожанке. Место и время ему сообщал знакомый посредник или же кто-то незнакомый, но умевший правильно сослаться на странников или иных устроителей. Папа приезжал туда и поначалу просто ждал в сторонке. Лишних слов он не говорил и мало с кем встречался взглядом. Спокойно прогуливался сам по себе, пока другие договаривались о призовых и делали свои ставки.

И вот наступал черед поединка. Папа снимал куртку и свитер, оставаясь в белой безрукавке и обнажая не сухие жесткие мышцы атлета, а бицепсы того типа, какие можно было бы сравнить с упругими резиновыми подушками, не будь эта резина перевита тугими жгутами вен. На его руках было мало волос. До странности мало. Темная поросль тянулась по его спине вдоль позвоночника, поднималась от живота к груди и далее до самой шеи, сливаясь там с черной бородой и шевелюрой, но руки его были почти безволосыми. И вот он выходил на импровизированный ринг, где встречал своего противника. Как правило, Папа видел его впервые в жизни. Ему было ничуть не жаль этого человека, но и ненависти к нему он не испытывал. Они сходились и боксировали, а когда все было кончено, раздавались негромкие аплодисменты и Папу вели к синему «пежо» позади толпы зрителей, где он получал свою долю выигрыша: спортивную сумку, набитую налом.

Судя по всему, для собравшихся главным было само удовольствие от кровавого зрелища, а ставки служили скорее поводом, чем целью. Конечно, привлечение финансов было необходимо хотя бы ради того, чтобы все выглядело по-деловому. Чтобы подвести под этот спектакль солидное обоснование. Чтобы как-то оправдать свою тягу к жестоким шоу. Если бы все упиралось только в деньги, они нашли бы и другие способы пополнить мошну; к тому же, будь эти бои сугубо деловым предприятием, не имело бы смысла проводить их без перчаток.

Вот так, просто и откровенно, Папа рассказывал нам эти истории в течение того лета на природе, еще до постройки нашего дома, а мы слушали его с таким

вниманием, словно получали по наследству ценную семейную реликвию. Обращаясь к нам, Папа широко раскрывал глаза – голубые с белыми крапинками, как истертые джинсы, – а в попытке выковырять из памяти какую-нибудь неподатливую подробность слегка наклонялся вперед и раскрывал их еще шире, чтобы тут же чуть сузить вновь. Он сидел на стуле, далеко расставив длинные крепкие ноги и упираясь локтями в колени; при этом его вогнутая грудная клетка словно бы несла на себе весь груз широченных, массивных плеч.

Насколько я понял, именно таким образом – его призовыми боями – добывались все наши наличные средства. Но в ближайшие месяцы никаких боев не предвиделось, и Папе нужно было найти другую работу. Он упоминал о прочих своих занятиях, но только вскользь. Иногда он подряжался на что-нибудь вместе со странниками, но чаще его нанимателями были совсем посторонние люди.

Однажды вечером в четверг, в наш первый здешний сентябрь, мы с Кэти сидели вдвоем на кухне нового дома. Тот день выдался ветреным, а ближе к ночи ветер еще усилился. Его порывы стали первой серьезной проверкой для опорных балок и стыков, которые скрипели и постанывали, – впрочем так оно бывает с любым новым строением. Дом только начал утверждаться на этом месте и вписываться в окружающий ландшафт, слегка оседая и плотнее вдавливаясь в грунт под фундаментом, так что эти стоны и скрипы нам предстояло слушать еще не один час.

Папа уехал накануне после обеда, и мы не рассчитывали увидеть его в ближайшие несколько дней. Но, к нашему удивлению, он объявился уже на следующее утро с восходом солнца, когда мы после завтрака перекидывались в картишки, попивая чай. Мы услышали знакомый звук мотора, шуршание колес по опалой листве при плавном торможении машины, а затем и его шаги. Я поспешил к двери, отодвинул оба засова и повернул в замке ключ. Открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская Папу. Сосредоточенный, хотя и заметно уставший, он подошел к кухонному столу и сел на один из трех деревянных стульев, который прогнулся под его весом.

Первым делом он потребовал чаю, и Кэти поставила уже остывший чайник на плиту. Папа вытянул было ноги под столом, но тотчас вернул их в прежнее положение и начал возиться с туго зашнурованными ботинками. Ожидая, когда закипит вода, Кэти достала табак и бумагу, а в момент передачи Папе готовой самокрутки лицо ее вдруг оживилось, словно очнувшись от спячки; и с папиным

лицом произошло то же самое, как будто он вспомнил о чем-то светлом и радостном, припасенном в подарок для нас. Тем утром – как потом случалось неоднократно – я увидел в ней истинную дочь своего отца.

Папа сказал, что накануне до него дозвонился давний знакомый, чтобы свести его с одним из местных. Питер (так звали местного) перебрался сюда из Донкастера еще в девяти-десятилетнем возрасте вместе со своей матерью, которая устроилась продавщицей в здешнюю забегаловку, торговавшую жареной рыбой с картошкой. И вот сейчас этот Питер – понятно, через того же знакомого – попросил Папу о встрече. Он только недавно узнал о нашем появлении в этих краях. Собственно, о Папе он был наслышан и прежде, благо слухи о нем широко ходили среди людей определенного сорта в пределах Йоркшира, Линкольншира и даже соседних графств.

В прежние времена Питер легко находил работу то на одной, то на другой стройке в округе, но со временем большинство строительных фирм свернули свою деятельность либо свели ее к минимуму. Пару лет Питер просидел на мели, но затем дела его постепенно наладились. Он стал работать на себя, без фирм-посредников, напрямую договариваясь с теми из местных, у кого еще водились денежки. Сооружал надворные постройки, ремонтировал крыши и водопроводы, укреплял ветхие оконные переплеты. И тому подобное. Это были работы, какие вполне мог делать и Папа, да только он предпочитал от них уклоняться. А Питер, по папиным словам, был на все руки мастером. И еще он умел правильно распорядиться своим временем и своими деньгами, а в этом заключена добрая половина любого успеха. Люди, для которых он что-либо сделал, рассказывали о нем своим друзьям, слухом земля полнилась, и в результате заказами он был обеспечен с избытком. В то время он не просто имел солидный по здешним меркам доход. К этому добавилось чувство самоуважения, а то и гордости – почти забытые чувства в таком захолустье. Более-менее определившись с будущим и с прошлым, он занялся обустройством своего настоящего в промежутке между ними.

И вот пару лет назад Питер подрядился работать на одной крупной ферме. Он сооружал пристройку к амбару, когда пузатая молочная корова, которая вскоре должна была отелиться двойней, вдруг оторвалась от доильного аппарата, опрокинула перегородку и галопом ринулась наружу. Выскочив из амбарных дверей, она сбила стремянку, на верхних ступеньках которой стоял Питер, и тот свалился прямо под ее копыта. Корова наступила задней ногой на что-то мягкое – то была поясница упавшего человека – и ударом отбросила его к стене амбара,

а потом взбрыкнула вновь и попала по голове и шее Питера. Он потерял сознание и остался лежать на грязном сыром бетоне, истекая кровью.

Безлюдье на фермах – обычное дело. И это безлюдье особенно ощутимо, когда валяешься там с рассеченной кожей и переломанными костями. Такое безлюдье может стоить тебе жизни. Но с Питером в тот день вышло иначе. Его нашел один из работников, который обернул искалеченное тело своим плащом и в лошадином фургоне довез его до донкастерской больницы.

С той поры Питер не мог передвигаться на своих двоих и большую часть времени проводил в инвалидной коляске. Какая уж тут работа. Он перестал по вечерам наведываться в деревенский паб. Только и оставалось, что сидеть дома в ожидании гостей. Старые друзья его навещали, но, поскольку он давно не появлялся на людях, о нем стали забывать – почти все, кроме немногих самых верных. Кое-какую помощь оказывали муниципалитет и церковный приход. Пожилой сосед Питера заботился о его саде: осенью и весной обрезал лишние ветви деревьев и кустов, убирал опавшую листву и чистил канавы, чтобы обеспечить сток дождевой воды. У Питера имелась родная тетка, с которой он познакомился лишь после смерти матери и которая теперь привозила ему булочки и газеты, а каждое второе воскресенье меняла постельное белье.

В целом все обстояло не так уж плохо, хотя могло бы быть и получше. После несчастного случая Питер начал обзванивать давних клиентов, задолжавших ему за работу и материалы на протяжении последнего года. Прежде он не требовал с людей немедленной уплаты, поскольку дела его шли хорошо и финансы не пели романсы. Питер верил в то, что эти деньги рано или поздно будут получены, точно так же как привык доверять собственному телу, энергии и упорству. Он и помыслить не мог о возможном обмане со стороны клиентов, поскольку никогда не принимал в расчет человеческую слабость. Весь наш мир держится на силе, как частенько говаривал Папа, и вдруг у Питера впервые в жизни этой силы не оказалось. Он обзвонил всех, и половина расплатилась сразу или начала возвращать долги по частям. Другие должники раскошелились после дополнительных напоминаний с парой крепких словечек из уст его друзей детства либо коллег по прежним работам. Остался только один должник. Скользкий тип, по определению Папы: владелец большого особняка в лучшем районе Донкастера, с остекленной парадной дверью и подъездной аллеей из каменных плит вместо обычного асфальта. Дом был хорош, да человек дрянноват, как заметил Папа. Хотя он сколотил свое состояние с виду законными путями, на самом деле там все было нечисто: и то, как он заполучил

эти деньги, и то, как он пускал их в оборот. Несправедливо и бесчестно. В это богатство не были вложены его труд, ум или дарование – он просто стакнулся с шайкой деляг, которые сообща высасывали остатки крови из своего же родного города. Он покупал и продавал чужой труд, владел ночными клубами в темных переулках, где женщины раздевались и танцевали на потеху публике. Он делал деньги из человеческих тел, объяснил нам Папа: из мышц мужчин и оголенной кожи женщин.

Питер соорудил для него зимний сад. Просто прекрасный, судя по всем отзывам. Работа заняла много недель и стоила кучу денег – клиент должен был выплатить Питеру без малого пять тысяч фунтов плюс вернуть оставленный им на рабочем месте комплект высокоточных инструментов. Питер названивал по телефону, отправлял письма, кричал с улицы перед дверью, но до ответа этот тип не снизошел. И вот, спустя несколько месяцев, подстегиваемый нуждой, Питер начал наводить справки, и знакомый одного его знакомого узнал от своего знакомого о появлении в окрестных лесах бородатого гиганта с сыном-подростком и непоседливой, задиристой дочкой.

– Я ездил повидаться с ним вчера вечером, – сказал Папа. – Он все еще живет в доме своей матери, который я помню с тех времен, когда юнцом шатался по всей округе и подрабатывал стрижкой газонов, в том числе и на их улице. Он выложил мне свою историю. Без утайки. Как на духу, можно сказать. Короче, выложил так, что сумел меня уговорить. Вы двое лучше всех знаете, что я никогда не дерусь понапрасну. И здесь речь была не о деньгах или призах. Для драки такого сорта нужен резон, и у Пита он нашелся. Этот мистер Коксвейн по справедливости должен был отдать ему деньги, но не отдал, а вам известно, как сильно я не люблю такие вещи. Он пользовался тяжким положением Пита, вроде как добивая лежачего. Я не бандюган какой-нибудь и не хочу, чтобы вы обо мне так думали, но, ей-богу, эта история задела меня за живое. Пит рассказал, где и когда можно найти этого Коксвейна. Почти каждый вечер он выпивает и режется в карты в одном подпольном казино на задворках города. А владеет притоном его давний партнер по разным аферам – они вдвоем и затеяли это прибыльное дельце. В иные ночи Коксвейн уносит домой по нескольку тысяч, выдоенных из жалких недоумков, которые никак не уяснят, что их проигрыш предрешен. И я поехал туда этой же ночью, поскольку знал, что нынче он там объявится и непременно будет при деньгах. Негоже было бы просто сделать то, что я собирался сделать, а после вернуться к Питу без его законной выручки. Получилось бы какое-то половинчатое правосудие, понимаете? Другая половина – это кусок хлеба для Пита. Если уж делать дело, так делать по полной.

Папа допил свой еще не остывший чай.

– Я позаимствовал Питову тачку. Он ее сам предложил вместо моей, и был прав. Если бы кто-то и заприметил машину, Пита никак не связали бы с тем, что я собирался сделать. Он и водить-то уже не в состоянии, бедолага. Но все равно никто не мог ее заприметить. Я оставил ее в десяти минутах ходьбы от казино, добрался туда примерно к двум утра и прождал до четырех, скрываясь за платанами. К тому времени почти вся публика уже разошлась. Коксвейн вышел одним из последних. Явно уставший, но не так чтобы крепко поддатый. Все ж таки делом был занят: обчищал ротозеев. Он подошел к своей тачке, а я притаился как раз рядом с ней. Хотел бы сказать, что спланировал это заранее – так и следовало сделать, – но нет, это вышло случайно. Однако я не спешил воспользоваться случаем. Подождал, когда он откроет багажник и спрячет в него портфель, а как он стал его закрывать – тут я и нарисовался. Конечно, он обернулся на звук шагов, гадая, кто я такой, и наверняка тут же понял, что ничего хорошего от меня ждать не стоит. Только не понял почему. Не сразу понял. Весь подобрался, ожидая удара, но вместо этого я начал с вопроса. Спросил, тот ли он человек, который мне нужен. Он мог бы назваться другим именем, однако этого не сделал. Не сдрейфил, стало быть. Я даже чуток его зауважал. Но дальше он все испортил. Раскрыл свое истинное нутро. Я потребовал деньги, которые он был должен Питу. Назвал точную сумму – я ж не ворюга. Сказал, что передам их Питу. Дал понять, что заберу их сейчас же, потому как я в курсе, что он при выручке. Сперва мне показалось, что все идет отлично. Он сказал, что достанет деньги из багажника, и повернулся, чтобы его открыть. Другой человек на моем месте мог бы заподозрить неладное, но я просто не заморачиваюсь на таких вещах. Подозрительность, она ведь происходит от страха, понимаете? Даже выхвати он ствол или нож, я бы сумел с этим справиться. Мне оно без разницы. Ну так вот, полез он в багажник якобы за баблом, но вместо этого вытаскивает клюшку для гольфа. Замахивается. Ударить меня хотел, да только…

Папа уставился на выскобленную поверхность дубового стола. Смоченные чаем губы раздвинулись в чуть заметной улыбке. Потом он поднял голубые глаза на Кэти. Та слушала его историю, не выказывая никаких чувств. С ясным взглядом и невозмутимым лицом.

– Хотя это не суть важно, – сказал он.

Зрачки Кэти расширились, а потом сузились – подобно круговым узорам на старинном вертящемся волчке.

И тогда Папа поведал нам остальное. О том, как он перехватил клюшку на лету. Как согнул ее пополам голыми руками. Как мистер Коксвейн в конечном счете распластался на асфальте, харкая кровью, избитый почти до потери сознания. «Почти» потому, что Папа был спецом в таких делах. Он знал, как растянуть избиение, при этом не позволяя противнику полностью отключиться. Он умел причинять боль.

Он рассказал нам все. Не избегая подробностей. Пока я не ощутил, как к глазам подступают слезы.

И тут он остановился. Чуть ли не на полуслове. Встал со стула, обнял меня своими ручищами и сказал, что сожалеет, – мол, ему вообще не следовало рассказывать нам эту историю.

– А деньги Питера ты добыл? – спросила Кэти.

Он вновь повернулся к ней и сел на стул, все еще держа меня за руку.

– Да, – сказал он. – Добыл и вернул ему. Всю сумму. И сейчас покажу вам то, что он дал мне взамен.

Он поднялся и быстро вышел из дома. А вскоре вернулся, осторожно неся на широких, в кровь разбитых руках пару черных щенков. Двух ищеек-полукровок – помесь грейхаунда и бордер-колли. В то же утро мы придумали им клички – Джесс и Бекки – и соорудили для них уютную лежанку в прихожей. Там еще не был настелен пол, и получилось нечто среднее между домашней и уличной обстановкой. Папа сказал, что им это подходит в самый раз.

Глава вторая

Папа не запрещал нам курить и выпивать, так что после возведения внешних стен и крыши мы проводили долгие вечера внутри дома, потягивая теплый сидр

и дымя самокрутками, которые делала Кэти. Мы слушали радио или читали книги вслух – для Папы. Чаще всего это делала Кэти своим глубоким ровным голосом, выделяя интонацией особо значимые слова и фразы. В младшем возрасте мы доставали Папу просьбами купить телевизор, но он всякий раз отвечал, что без него гораздо лучше.

Это было еще до нашего переселения в глухомань. До того лета на природе и до возведения дома. В то время мы жили дальше к северу, на окраине приморского городка, в доме постройки тридцатых годов, как и все его собратья по соседству. Точнее, нам принадлежала половина двухквартирного дома. В иных городах здания такого типа тянутся вдоль улиц сплошными рядами, но здесь они разделялись проходами и напоминали типовые загородные особняки, только более тесные внутри и менее ухоженные снаружи. Кое-кто из наших престарелых соседей высаживал желто-фиолетовые фиалки на узком пространстве между газонами, пешеходными дорожками и разделительными живыми изгородями, но большинство палисадников на этой улице являли собой лишь проплешины истоптанной грязи вперемежку с клочковатой порослью одуванчиков и чертополоха.

Скамеек или качелей почти не было, зато детские игрушки попадались часто, тут и там разбросанные на газонах. Мне особо запомнилась маленькая пластмассовая кукла с блондинистыми кудряшками и задранным под самые уши розовым платьицем, валявшаяся вниз лицом на земле перед фасадом углового дома. В таком виде она пролежала там несколько лет, периодически омываемая дождями и вновь заметаемая пылью.

Стены некоторых домов были покрыты декоративной штукатуркой с вкраплениями мелких камешков. Нам с Кэти они нравились. Проходя меж домов к полям за городом, мы имели обыкновение попутно выковыривать камешки из раствора. Количество таких «оспин» на стенах росло, но жильцы, как правило, этого не замечали, благо мы действовали выборочно, никогда не удаляя помногу расположенных рядом камней, чтобы последствия не так бросались в глаза. Наш дом не был отделан подобным образом и выставлял напоказ унылые красно-коричневые кирпичи основной кладки. Наш палисадник имел не самый жалкий вид, хотя клумбой похвастаться не мог. Трава у нас была повыше и потемнее, чем на газонах соседей, но все же это была настоящая газонная трава, а не какие-то сорняки. Дорожка из бетона упиралась в бетонную же ступеньку перед входной дверью, некогда выкрашенной в ярко-синий цвет, а впоследствии покрытой не менее яркой зеленой краской, из-под которой по мере отслаивания

вновь начала проступать синева.

На полу в прихожей был расстелен темно-красный ковер с поблекшим золотистым узором, который прямо-таки побуждал взгляд скользить из стороны в сторону от вытоптанной середины к лучше сохранившимся, припухлым краям ковра. Сам по себе узор напоминал вьющееся растение, корни которого остались где-то за порогом, а плети проникли внутрь дома и поползли вверх по лестнице. Еще совсем маленьким я воображал их сетью дорог и «странствовал» по ним, водя пальцем вдоль прихотливо извилистых линий.

После подъема на лестницу в дальнем конце прихожей ковер сменялся линолеумом, а тот в свою очередь – выщербленным древесно-волокнистым полом кухни. Мы готовили еду на газовой плите, и Папа обычно прикуривал сигарету от шипящего голубого пламени, после чего отправлялся дымить на задний двор. Боковая дверь из прихожей вела в гостиную комнату, которая тянулась по всей длине нашей части дома, а на втором этаже находились три спальни и ванная.

В этом доме я прожил четырнадцать лет.

Папа тогда порою был с нами, а порой надолго исчезал. Мы жили с Бабулей Морли. Она хорошо о нас заботилась, готовила нам еду и стирала нашу одежду. Ни один ужин не обходился без двух видов овощей, а при стирке она использовала ровно столько порошка, сколько требовалось для полной очистки одежды, но ничуть не более того, чтобы излишки не оседали на ткани, потом раздражая кожу. Днем, когда мы были в школе, она пылесосила ковры, вытирала пыль с полок и посещала торговую улицу, поочередно обходя мясную лавку Эванса, дешевый супермаркет, овощной магазин и салон-парикмахерскую «Маргаретс», где по четвергам после обеда собиралась компания ее приятельниц.

В выходные или после школы Бабуля Морли присматривала за нами из окон, когда мы играли на лужайке или в полях за домом. Временами мы отправлялись играть на пляж с его скальными гротами и приливными заводями. Она была доброй и любящей женщиной, наша бабушка, но при этом какой-то отрешенной. Иной раз она глядела как бы сквозь нас, а иногда, не обращая внимания на наши слова, словно бы прислушивалась к чему-то в соседней комнате или снаружи – к звукам, которых мы не слышали. В такие минуты она настороженно поднимала голову, затем слегка склоняла ее набок и опиралась рукой на подлокотник

кресла или дивана.

Когда мы учились в начальных классах, Бабуля Морли провожала нас до школы, идя посередине и держа обоих за руки. Наша школа находилась ближе к центру города, по другую сторону парковой зоны, где чайки размерами с комнатную собаку рылись в урнах, выискивая объедки. Каждое утро мы проходили через этот парк, в своей школьной форме: красные спортивные свитеры поверх белых рубашек, серые фланелевые брюки у меня и юбка в складку у Кэти плюс черные кожаные туфли, которые мы начищали до блеска по вечерам в воскресенье.

Краснокирпичное викторианское здание школы было дополнено колокольней, примыкавшей к одному из его торцов. Колокол настолько оброс ржавчиной, что уже не мог звонить, но никому даже в голову не приходило его очистить. Вместо него использовались медные колокольчики типа пожарных, подвешенные рядом с дверями классов. Их звон оповещал нас о переменах, когда можно было порезвиться во дворе, или созывал на очередной урок. В некоторых коридорах стены были украшены яркими картинками, а другие обходились без них. И повсюду там пахло бульоном из кубиков и канцелярским клеем.

В младших классах я держался особняком. Описывал круги по игровой площадке, воображая, будто взбираюсь на гигантские горные хребты или бреду по бескрайней болотистой равнине. В летние месяцы я часто сидел под платаном на краю школьного поля. Ловил разных насекомых – только затем, чтобы даровать им свободу по окончании перемены или обеденного часа. Папа однажды предложил купить мне в день рождения набор для коллекционирования насекомых или специальные баночки, в которых я мог бы приносить их домой, однако я отказался. Мне просто нравилось немного подержать мелких тварей в руках и потом отпустить восвояси, к привычной им жизни. А позднее, за партой в классе, уткнувшись взглядом в расписание уроков, я представлял, как они там живут себе дальше.

Но если игры затевала Кэти, я принимал в них участие. Когда мне было около шести, а ей – восемь, она ввязалась в серьезную ссору с тремя мальчишками своего возраста. Их звали Адам Хардкасл, Каллум Грей и Грегори Смоутон. Как правило, подобные события важны лишь для их главных участников, хотя сомневаюсь, что даже в то время они размышляли об этом так же много, как я. А ведь я и потом, спустя годы, мог с утра до вечера мусолить эти воспоминания, закрывая глаза в попытке воссоздать всю сцену по частям, уточнить местоположение каждого из них в тот или иной момент и даже расслышать стук

их сердец. Я подолгу всматривался в прошлое, стараясь разглядеть выражение лица того парня, когда он понял, что его дело дрянь, или припоминая в точности слова, какими сестра потом описывала некоторые упущенные мною подробности.

Интересно, а вспоминала ли об этом Кэти? Или ее тогдашние недруги? Или прочая мелюзга в дальних закоулках моей памяти – задумывались ли они, подобно мне, о своем скромном участии в той истории? Возможно, как раз оттуда берет начало многое из случившегося впоследствии, и если бы кто-нибудь тогда как следует осмыслил эти моменты, будущее приняло бы иной оборот – к лучшему, разумеется.

Для своего возраста Кэти была рослой, сильной и ловкой девочкой. Голубоглазая, как Папа, она носила короткую стрижку и убирала черные волосы за уши. Адам, Каллум и Грегори жили неподалеку от школы, в длинном ряду высоких домов с островерхими крышами и выступающими окнами. Каждую школьную четверть они начинали в новеньких, ярко раскрашенных кроссовках. И они все болели за «Манчестер юнайтед» (хотя мы жили в Йоркшире), в подтверждение демонстрируя разные вещи с символикой этого клуба. Футбольных наклеек и значков у них имелось великое множество, а их нарядные мамаши после занятий всегда вовремя встречали отпрысков у школьных ворот, чтобы на следующее утро доставить их туда же, снабдив сэндвичами, бисквитами с джемом и пакетиками сладкого яблочного сока, который становился еще более сладким в нагретом утренним солнцем классе.

Думается, для мальчишек это в порядке вещей – не допускать девчонок в свои мальчишеские игры, но мне также думается, что большинство девчонок отлично это знают и потому даже не напрашиваются. А вот Кэти, конечно, напрашивалась и получала отказ. Она просила снова, и снова ей отказывали. А когда она однажды сказала, что это несправедливо, Грегори Смоутон заявил, что это его личный мяч и потому он сам решает, кого брать в игру, а кого нет. И все же она попыталась вмешаться. Вышла на поле и заняла вроде бы верную позицию, а когда мяч очутился поблизости, бросилась к нему. И завладела им. Но сразу вслед за тем возникли затруднения. Не состоя ни в одной из игравших команд, она не имела понятия, в какую сторону бежать, кому пасовать, на какие ворота нацелиться. Помню, как она замерла над мячом, и мальчишки тоже замерли, не зная, пойти в отбор или просить пас, пока вдруг не догадались по озадаченному виду Кэти, что она не настроена ни на то, ни на другое.

Какая-то часть меня до сих пор хочет, чтобы она тогда погнала мяч по полю – не важно, к чьим воротам, – и, обведя всех игроков, точным ударом отправила его мимо голкипера в сетку. И потом стала бы настоящей футбольной сенсацией. Но в действительности никто так и не увидел ее играющей в футбол. Она еще немного постояла над мячом, а затем просто ушла. Покинула поле, перейдя на его противоположный край. Как она сказала позднее, отвечая на мой вопрос, ей в ту минуту вдруг стало понятно, что эта игра в любом случае останется их игрой. Даже если она примет в ней участие, даже если у нее хорошо получится, это все равно будет их игра.

Однако их внимание Кэти привлекла. Она их реально взбесила. И весь остаток той четверти стоило только ей остаться одной, как они нападали, тащили ее в какой-нибудь закуток и там били, пинали, а порой и душили. Она вырывалась и убегала или же молча защищалась: отталкивала их руки и как могла блокировала удары. Но не предпринимала никаких решительных действий. Ничего такого, что могло бы положить этому конец. А поскольку у мальчишек не было причин останавливаться и поскольку это было весело и приносило удовлетворение, они продолжали в том же духе. Прошло несколько недель, травля не прекращалась: они избивали ее за мусорными баками или в парке между школой и нашим домом, а иногда на пляже, куда мы с ней отправлялись побродить по мелководью.

Но что-то должно было произойти. Что-то сместилось в ее сознании. Я не знаю, что дало этому толчок – какое-то конкретное действие или, может, сам факт моей вовлеченности в события, – но это наконец случилось.

Дело было в пятницу. В последнюю пятницу перед Страстной неделей. Накануне начались пасхальные каникулы. Первый свободный от занятий день выдался ясным, но с Северного моря дул сильный ветер, и воздух пропитался соленой влагой. На этом ветру наши лица сделались красными, почти как сырое мясо, а волосы слиплись от соли, которая забивалась даже под ногти.

На пляж мы пошли искать раков-отшельников. Мы подбирали раковины и переворачивали их, заглядывая внутрь. Если там сидел рак, мы клали раковину обратно и запоминали место, чтобы не потревожить ее хозяина повторно.

Приближающихся мальчишек мы заприметили еще издали. Они и не думали подкрадываться, чтобы застигнуть нас врасплох, – шли в открытую, размахивая руками. Я узнал Грегори по его красной шапке. Кто-то другой нес футбольный мяч и с ходу сильным ударом послал его вперед. Мяч разбрызгал соленые лужицы, прочертил полосу на темном сыром песке метрах в двадцати от их компании и остановился, ожидая, когда к нему неторопливо приблизятся и подберут.

Кэти, конечно, тоже их видела, однако не прервала свое занятие. Она нашла красивую маленькую раковину и спокойным голосом спросила, попадались ли мне такие раньше. Я ответил, что нет, после чего она заглянула внутрь. Раковина оказалась пустой. Вырастивший ее моллюск уже давно умер, и ни один рачок не устроил себе дом в его могиле. Она наклонилась и пристроила раковину среди водорослей.

Порывы соленого ветра раз за разом налетали со стороны моря. Гагатово-черные волосы Кэти хлестали ее по лицу, когда она повернулась навстречу мальчишкам. Деревянные пуговицы ее расстегнутой куртки мелодично постукивали друг о друга – как будто ветер играл на маримбе. Я смотрел на нее все время. Я не мог отвести глаз. Я был свидетелем всего, что она делала.

Адам Хардкасл подбежал и толчком повалил ее на мокрый песок. Она успела отвести руки назад, чтобы смягчить падение, но не успела подняться, и он придавил ее сверху. Каллум и Грегори приблизились без спешки.

Меня они словно и не заметили, хотя я стоял рядом с сестрой. Я был младше, да и ростом не вышел даже для своих лет, и понимал, что не могу сделать ничего, кроме как позвать кого-нибудь на помощь. Я развернулся и побежал по песчаному берегу. Папы тогда не было в городе, но, если сказать Бабуле Морли, та могла бы обратиться к хорошим знакомым – к другим людям, хоть малость похожим на Папу.

Я пробежал метров двадцать, прежде чем Каллум схватил меня за ворот свитера и опрокинул навзничь. Грегори между тем начал несильно хлестать Кэти ладонью по лицу, а потом запустил левую руку под ее майку и добрался до правой стороны груди, до соска. Она была еще маленькой девочкой, и ничего он там не нащупал, кроме мышц и ребер, но, видимо, рассчитывал этим ее унизить. Он не убирал свою руку, а Кэти молча на него смотрела. Ей было невдомек, почему это хуже или как-то отличается от тех издевательств, каким ее

подвергали раньше. Она не знала, что Грегори попросту подражал ранее виденному или слышанному, делая вещи, которые считал для нее наихудшими. Однако ей никто об этом не рассказывал. В этой игре она еще не принимала участия. Так что она ощутила всего лишь прикосновение холодной мокрой ладошки, а это было уж никак не хуже, чем удар ногой по зубам.

Тут Грегори решил дополнить дело словом.

– Тебе разве не обидно? – поинтересовался он, не понимая, почему она остается безучастной. – Шлюшка, – добавил он.

Кэти уставилась на него с изумлением.

– Ты должна обижаться, когда я трогаю тебя в этом месте, – сказал он.

Однако это не сработало. Тогда Грегори повернулся ко мне. Я вяло барахтался в руках Каллума.

– Окуни его башкой в лужу, – сказал Грегори.

Каллум злобно рассмеялся и поволок меня к довольно глубокой заводи.

Когда он в первый раз погрузил мою голову в холодную воду, я увидел одинокий анемон, прилепившийся к самому краю извилистой расщелины, а по обе стороны от него – колонии щербатых морских желудей.

Во второй раз я заметил два разных вида водорослей и моллюска, которого посчитал морским черенком.

Я помню все эти мелкие детали. Я пообещал себе, что буду их помнить всегда.

В третий раз моя голова не достигла поверхности воды. Позади меня сестра поднялась с земли, яростно пинаясь, выкрикивая мое имя, а также свое имя и имена наших противников. Она в одиночку побила и обратила в бегство их всех. Улепетывая, они оставили на песке свой мяч. А Кэти подняла меня на ноги и велела бегом возвращаться домой. Она сказала, что я должен бежать без остановки до самого дома и передать Бабуле Морли, что она долго не

задержится, но было бы неплохо найти Папу. Ей был нужен Папа. После того, оставив меня, она помчалась вслед за мальчишками. Она гналась за ними, и я знал, что она их догонит. В ту пору ее ноги были длиннее и сильнее, чем у них. Я повернулся, побежал домой и сделал все, как было велено.

Эта троица еще легко отделалась. После того как Кэти довершила начатое, у них было предостаточно синяков и ссадин, но ни одной серьезной травмы. Она просто не знала, как нужно бить, чтобы причинить человеку тяжкие повреждения, так что их раны зажили быстро. В школе они на протяжении последующих недель старались держаться подальше от Кэти, а какое-то время сторонились и всех прочих учеников. Но с началом новой четверти они уже более-менее походили на прежних себя в том, как держались и как разговаривали с окружающими. Если случившееся и научило их некоторому смирению, заставив считаться с другими людьми, то они ловко это скрывали.

Сразу после драки один из них рассказал об этом своей маме. Не всю правду, а только ее часть. Он сказал, что на них с Адамом и Грегори внезапно набросилась дикая девчонка, у которой папаша со странностями, вечно пропадающий невесть где. Его мать отправилась в школу и пересказала все это директрисе.

На другой день Папу вызвали в школу для разговора с директрисой. А накануне он объявился через два часа после звонка от Бабули Морли, усадил меня на колени, и мы стали ждать возвращения Кэти. Бабушка спросила, не собирается ли он пойти на поиски, но Папа сказал, что уже видел Кэти сидящей на пляже. И еще он сказал, что ей нужно побыть в одиночестве и что она вернется, когда будет к этому готова.

Кэти почувствовала себя готовой только к шести часам следующего вечера. Она просидела на пляже всю ночь и весь день. Ее руки по локоть были облеплены песком, а на костяшках пальцев запеклась кровь. Это сочетание песка и крови напоминало тонкие маслянистые полосы на пляжах Северного моря, обозначающие линию высокого прилива.

Папа поднялся, взял Кэти за руку, провел ее через комнату и усадил на диван рядом с собой. Потом спросил ее, что произошло.

Она взглянула на Папу, и я заметил в ее глазах слезы. То есть только блеск, еще не готовый превратиться в соленые капли, но разница была ощутима. Как

разница между слабым огоньком во тьме и кромешным мраком или между чем-то неживым и чем-то ожившим.

Кэти тянула с ответом. Она просто сидела и молчала. Мы все молчали. Папа не повторил свой вопрос, а мы с Бабулей Морли не издали ни звука.

Так прошла примерно минута, а потом ее грудная клетка начала конвульсивно содрогаться. Сперва я принял это за икоту, но затем конвульсии участились, звуки стали больше походить на всхлипы, и наконец хлынули слезы. Прямо слезный потоп.

Она рыдала. Ее дыхание напоминало удары морских волн о каменную стенку мола. А воздух она втягивала как через губную гармошку.

Продолжая плакать, она заговорила:

– Я чувствовала себя такой беспомощной, Папа. Мне казалось, я ничего не могу сделать, чтобы их изменить. Или хотя бы обидеть. В смысле, обидеть их так же сильно, как они меня. Я могла бы лупить их сколько угодно, но толку из этого не вышло бы. Они так мерзко вели себя, Папа! И дело совсем не в боли, а в том, как я чувствовала себя внутри. Сколько бы я ни старалась, мне не победить.

– Однако тебе это удалось. Ты дралась, и ты их побила. Ты защитила младшего брата. Что еще ты могла сделать?

Папа взъерошил руками свои волосы, а затем и бороду, как будто в поисках ответа на собственный вопрос.

– Я к тому, что все это бесполезно, разве нет? – сказала Кэти. – То есть дальше все пойдет по накатанной. Будут новые драки, с каждым разом все более жестокие. Такое чувство, что меня уже никогда не оставят в покое.

Папа продолжал теребить свои волосы. Я никогда не видел его таким озадаченным.

– А что, если тебе потолковать с учительницей? – предложил он. – Почему бы не рассказать ей, что вытворяли эти парни?

– Я так и сделала, – ответила Кэти, – но она назвала их примерными мальчиками.

Быть может, именно из-за этих ее слов Папа пошел на беседу к директрисе вместе с нами обоими. Он вел нас, взяв за руки, по узким коридорам нашей школы. Мерцающие галогенные лампы на низких потолках светили тем же бледно-розовым цветом, в какой были окрашены стены, так что казалось, будто свечение исходит от самой штукатурки. Узкие длинные окна размещались под самым потолком, высоко над головами проходящих по коридору детей, так что при попытке взглянуть на мир за стенами школы они могли увидеть лишь небо. В тот день оно было иссечено жгутами серых и белых облаков, гонимых и сплетаемых переменчивыми ветрами.

Чтобы достичь кабинета миссис Рэнделл, нужно было дойти до конца коридора и подняться по лестнице. Эта единственная в одноэтажном здании лестница завершалась площадкой с тремя дверями: кабинета директора, учительской и канцелярии, где мы каждую неделю получали обеденные жетоны и куда приносили родительские разрешения на участие в школьных экскурсиях.

Папа постучал. Это была массивная противопожарная дверь темно-синего цвета с маленьким квадратным окошком из толстого стекла, армированного сеткой черной проволоки, чтобы предохранить людей от острых осколков, если стекло разобьют. Удары широких костяшек папиных пальцев по дереву произвели громкий глухой звук, и в ответ ослабленный преградой голос миссис Рэнделл пригласил нас войти.

Этот голос прозвучал куда резче, когда Папа открыл дверь и директриса велела нам сесть. Сама она сидела в кресле с высокой спинкой за большим сосновым столом, напротив которого стояли три стула из пластика с тонкими жесткими подушками, приклеенными к сиденьям. Я сел на правый стул, Кэти села слева, а Папа разместился между нами.

Миссис Рэнделл, судя по ее виду, чувствовала себя комфортно. И вообще она выглядела как человек, ведущий комфортную жизнь. Льняной костюм персикового цвета, волосы отчасти светлые, отчасти темные. Или блондинистые поверх каштановых. Они спускались чуть ниже ушей и были завиты на концах.

Она казалась настроенной вполне миролюбиво (насколько можно было ожидать в этом случае), но ее по-настоящему интересовал только собственный душевный комфорт. А мы этот комфорт, похоже, нарушили. Наверняка ей очень хотелось, чтобы Кэти никогда не била тех мальчишек или чтобы мать Каллума не приходила к ней с жалобой, и тогда ей не пришлось бы после обеда в пятницу вести неприятные разговоры о насильственных действиях.

На улице было прохладно, однако в кабинете стояла жара. Батарея отопления была включена, а окна закрыты наглухо. На столе лежали стопками печатные документы, а дверцы шкафа и стены были увешаны детскими рисунками – разнообразной аляповатой мазней с нарушением всяких пропорций. Еще я заметил набор резиновых печатей, испачканных красными чернилами, каждая с подхалимски-лестной или просто одобрительной надписью.

– Надеюсь, вы понимаете, что поведение вашей дочери является недопустимым. Это было неспровоцированное нападение. Несчастные мальчики собирались поиграть в футбол на пляже и спросили Кэти, не хотят ли она и Дэниел поучаствовать в игре. Я могу предположить, что Дэниел и Кэти до сей поры не имели в жизни тех возможностей, какими располагают Грегори, Адам и Каллум, но это не может служить оправданием ее поступку. У Грегори теперь все ноги в синяках, и, по утверждению мамы Каллума, детям были нанесены удары ногами даже по интимным местам. Вам следовало бы предупредить свою дочь, что нельзя пинать мальчиков в такие места.

Миссис Рэнделл продолжала свою речь, а Папа ничего не говорил в ответ. Как и Кэти. Нас троих как будто накрыло слоем тягучей липучки, и, хотя директриса говорила без умолку, ее фразы беспомощно бились об этот плотный покров, лишь изредка, мелкими уколами, сквозь него прорываясь, но никак не влияя на наше угрюмо-молчаливое состояние. Позднее Папа сказал нам, что после слов директрисы о поведении мальчиков он понял, что высказывать свои мысли по этому поводу будет бесполезно. У миссис Рэнделл уже сложился свой взгляд на происшедшее просто потому, что подобные ей люди именно так видят подобные вещи, пояснил он. Так уж устроен этот мир, а нам остается только найти свои способы с этим бороться и накопить побольше сил.

А тогда, в кабинете, Папа для проформы согласился с рекомендациями миссис Рэнделл и принес извинения от лица своей дочери. Заверил ее, что такое больше не повторится. Пообещал навести дома строгую дисциплину и сказал, что Кэти постарается загладить свою вину перед мальчиками.

Папа вел нас к дому Бабули Морли через уже сумеречные пригороды. По пути он сказал, что в этот раз останется здесь как минимум на месяц и нам всем надо больше времени проводить вместе, так что каждый день после школы мы должны прямиком идти домой. Потом он сказал, что Кэти все сделала правильно. И еще он сказал, что ей следовало бы сделать это гораздо раньше.

Бабуля Морли умерла вечером во вторник. Кэти обнаружила ее сидящей в своем любимом кресле в гостиной, задернула все шторы, закрыла все двери и запретила мне туда входить. Мы не знали, как связаться с Папой, и потому просто держали комнату запертой и окна зашторенными, а сами жили наверху в почти безмолвном ожидании. Кэти спускалась только затем, чтобы найти какую-нибудь еду в кухонных шкафах. Мы питались печеньем, бананами и чипсами вплоть до приезда Папы через полторы недели. Мы бросились к нему и только тогда впервые заплакали, а он сказал, что больше никогда, никогда не оставит нас одних.

II

Годы и мили спустя брат этой девчонки бредет по вязкой грязи, разыскивая сестру. Прошло уже много дней. Я не обнаружил никаких следов, но я не теряю надежды.

Память о том вечере в нашем лесном доме ничуть не потускнела. Кадры прокручиваются раз за разом, как на закольцованной кинопленке. Каждое лицо и каждый жест видны отчетливо. Никакой размытости.

По ходу я вспоминаю, как все они выглядели. Вспоминаю сестру с ее гладкими черными волосами. Думаю о Папе и о словах, им сказанных и оставшихся несказанными. Вспоминаю других людей, их выпученные глаза и оскаленные зубы.

Я поступил правильно, сбежав оттуда.

На ходу я оглядываюсь по сторонам. Чем дальше я от дома, тем более чужеродным кажется пейзаж. Мои глаза реагируют соответственно. Они жадно цепляются за каждый знакомый предмет.

На горизонте я вижу дымовую трубу и охладительные башни электростанции, пожирающей плоды земных недр и изрыгающей едкие отходы. Я вижу завесу пепельного смога между землей и небом, вижу свинцовые испарения, набухающие ненатуральными тучами. Я вижу опоры высоковольтной линии, цепочкой протянувшиеся из дальней дали в ближайшую близь, подобно телу исполинской многоножки; вижу их тени, еще более громадные, распластанные по склонам холмов, как древние знаки наших языческих предков. Я вижу силуэты жвачных, которые неспешно блуждают по лугам, перемещают свои неуклюжие туши от кормушки к поилке или еще куда; вижу, как последние отблески вечерней зари падают на кудлатые спины пасущихся овец, подобно искрам, летящим с огнива на трут. Я вижу рдеющую землю и пламенеющее небо. И я прохожу через все это размеренным шагом.

Я со скорбью покидаю Элмет.

Глава третья

Мы предавались глупым детским забавам еще долго после того, как вышли из соответственного возраста. Благо роща снабжала нас всем для этого нужным, а пересеченная местность отлично подходила для догонялок и пряток. В другой обстановке мы повзрослели бы гораздо раньше, но это был наш, особенный мир, так что мы со взрослением не спешили. Собственно, как раз потому Папа и перевез нас сюда. Он хотел, чтобы мы как можно дольше оставались сами по себе, вдали от большого мира. Он дал нам шанс пожить своей жизнью, по его словам.

Мы увлеклись стрельбой из луков, подражая легендарным лесным разбойникам. Когда после постройки дома у Папы появилось больше свободного времени, он научил нас делать луки и стрелы с применением разнообразных инструментов. И мы делали из твердой упругой древесины длинные луки – почти в рост каждого из нас. Ясеней вокруг было полно, но дубовые ветки для этой цели подходили больше, а наилучшим материалом был тис, как объяснил Папа. Он находил

прутья нужной длины и толщины, после чего мы уже сами очищали их от коры и тонкой стружкой – чтобы не снять лишнее – срезали верхний, еще не окрепший молодой слой. Со стрелами было проще: найти в окрестностях прямые тонкие побеги не составляло труда. Для состязаний в меткости вполне годились стрелы с тупыми наконечниками – мы пускали их в джутовый мешок с намалеванной на нем мишенью, – но Папе для охоты на птиц, кроликов и оленей нужны были крепкие стальные наконечники, которые ему приходилось покупать.

Мы делали разные луки: удобные для использования сейчас, более тугие для проверки и развития силы, а также луки на будущее, до которых нам еще только предстояло дорасти. Кэти могла оттянуть тетиву гораздо дальше, чем я, благодаря ее длинным рукам, хотя грудная клетка у меня уже тогда была шире. Она никогда не вздрагивала при выстреле, если отпущенная тетива хлестала ее по левой руке, – так бывает при очень сильном натяжении, усталости или при неправильном хвате лука. Или когда у стрелка очень тонкие и гибкие руки, которые при полном распрямлении слегка выгибаются в обратную сторону, подставляя под удар мягкие ткани с голубыми прожилками вен. У нас обоих были такие руки. Натянув лук изо всех сил, я пускал стрелу, и тетива била меня чуть ниже локтя. Боль не ограничивалась только кожей, она пробиралась глубже, вплоть до костного мозга. А потом болевая волна разносилась по костям всего тела.

Но Кэти как будто не чувствовала этой боли – или не обращала на нее внимания. Она никогда не надевала кожаный нарукавник и максимально оттягивала тетиву, распрямляя левую руку до предела, чтобы точнее прицелиться. И каждый раз тетива звучно хлестала по ее мягкой белой коже. Так оно и продолжалось: Кэти держала лук, выгибая локоть в сторону тетивы и при стрельбе вновь и вновь получая болезненные удары. Ее предплечье сделалось багрово-красным с пятнами серых и пожелтевших синяков, которые почти замкнулись вокруг руки наподобие браслета с золотистыми вкраплениями.

И все же она не меняла свою манеру стрельбы. Папа сердился на нее, когда это видел. Если только можно назвать гневом смесь разных чувств с преобладанием любви. Отчасти это походило на грусть, но не как бездеятельное состояние, ибо Папа всегда был готов вмешаться. В таких случаях он приближался, мягко отбирал лук и садился с ним в сторонке. Ждал, когда Кэти успокоится, перестанет шумно дышать, ощутит наконец-то усталость после всех упражнений, подойдет и опустится рядом на лесную подстилку. Я тоже к ним подсаживался, Папа доставал из карманов пригоршню крекеров и кусок

твердого сыра, мы съедали их втроем и затем направлялись обратно к дому.

Глава четвертая

Примерно в полутора милях от нас жила одинокая женщина. Между ее домом и нашим был всего один поворот дороги, так что ее можно было считать соседкой. Ее белый дом имел два больших окна по бокам от входной двери, а торцевая стена в летние месяцы сплошь покрывалась вьющимся душистым горошком. Сад был разбит как перед домом, так и позади него. Через дорогу от того места, где она парковала свою синюю машину, начиналось чужое фермерское поле с рядами темных капустных кочанов и свекольной ботвы.

Мы с Кэти гадали, когда они с Папой познакомилась. Мы вообще не могли взять в толк, откуда Папа знает в этих краях кого-то помимо нас, но с этой женщиной они приветствовали друг друга, как давние знакомые. А я-то думал, что вдали от дома Бабули Морли мы неминуемо окажемся в окружении чужаков.

Первая зима на новом месте пришла рано и быстро. И вот одним ноябрьским утром, когда холод напрочь сковал водостоки и хрупким ледком растекся по подоконникам, Папа разбудил нас на рассвете и повел в сторону дома Вивьен: по склону холма к узкой дороге и далее за поворот. Я обмотался двумя шарфами поверх темно-зеленой флисовой куртки, застегнутой под самый подбородок, чтобы удерживать тепло внутри. Кэти заправила джинсы в толстые пурпурные носки, защищая ноги от леденящего ветра, а Папа был в своей всегдашней куртке и шерстяном джемпере плюс мотоциклетные перчатки.

Спуск оказался скользким: прихваченная морозом мягкая трава оттаивала под нашими ступнями, и мы с каждым шагом прокатывались на несколько дюймов вниз. В утреннем воздухе пахло сырым деревом – и больше, пожалуй, ничем. Все летние запахи попросту вымерзли. Впрочем, день выдался ясным, что особенно ощущалось сейчас, когда солнце стояло низко и его яркие лучи скользили по заиндевелой траве. Проселочную дорогу, до которой мы наконец добрались, пересекали длинные, резко очерченные тени деревьев. Камни на земле не были гладкими, скорее напоминая осколки валунов, пропущенных через огромную дробилку, но и при своих малых размерах они отбрасывали заметные, еще более резкие тени.

Мы шли быстро, согреваясь движением, и я временами переходил на трусцу, чтобы не отстать. Кэти была молчалива еще со вчерашнего вечера, но вроде слегка оживилась, когда мы прибавили шагу.

– С каких пор ты ее знаешь? – спросила она у Папы.

– Нас познакомила ваша мама.

После упоминания о маме никто больше не произнес ни слова. Мы почти никогда о ней не говорили и сейчас просто не знали, как истолковать его последнюю фразу: как приглашение к разговору или как предостережение. В его голосе и выражении лица я не смог уловить намека ни на первое, ни на второе. Он шел себе и шел, а я поглядывал то на него, то на дорогу перед собой, совсем как наши верные собаки, которые держались рядом и через каждые несколько шагов вопросительно обращали морды к хозяевам. Они смотрели на меня и на Кэти. Мы, в свою очередь, смотрели на Папу.

Бекки, во время прогулок обычно не отбегавшая далеко от меня, сейчас была на полшага впереди, молотя хвостом по моим ногам. Я то и дело на нее натыкался и притормаживал, чтобы ненароком не пнуть.

Садик перед домом Вивьен был ухоженным, но не настолько, чтобы утратить натуральный вид. Земля была неровной, а розовые кусты у корней обвивали какие-то стелющиеся сорняки, но в то же время я не заметил нигде опавших листьев и сухих веточек. Стало быть, все здесь регулярно подчищали. Газон уперся в площадку перед домом, и край его был подстрижен предельно низко, дабы подчеркнуть ровную линию стыка, параллельную французским окнам фасада.

Папа постучал, Вивьен открыла дверь и уставилась на нас. Ростом с Папу, но узкая в плечах. Румяные щеки и синие круги под глазами. Темно-рыжие волосы и такая белая кожа, что сквозь нее, казалось, можно видеть бегущую по жилам кровь. Это была правдивая кожа: под ней не спрячешь внутренние изъяны, дефекты или болячки. Выглядела она усталой – может, из-за недосыпания, а может, и в целом от жизни. Ей, наверное, было лет сорок, но могло быть как больше, так и меньше – с этими глазами, меняющими цвет с ярко-зеленого на тускло-желтый, и легкой сутулостью, какую можно заметить и у пожилых дам, и у девчонок-подростков. Несколько мгновений она молча смотрела на нас, долго

втягивая воздух при вдохе и потом резко выдыхая, как будто обдумывала вступительную фразу или же готовилась захлопнуть перед нами дверь.

– Не ожидала вас в такую рань, – наконец обратилась она к Папе, но при этом разглядывая поочередно меня и Кэти. Лишь затем подняла глаза на Папу, улыбнулась, шире распахнула дверь и, оглядев нас всех еще раз, пригласила в дом.

Кэти первая откликнулась на приглашение, перешагнула порог и остановилась перед хозяйкой, которая положила длинные руки ей на плечи.

– Ты, должно быть, Кэтрин, – сказала она. – Когда я видела тебя в последний раз, ты еще только начинала ходить, а твой брат лежал в колыбели.

Она пропустила Кэти внутрь, и следом порог переступил я.

Вивьен посмотрела на меня и взяла за плечи, как ранее Кэти:

– Дэниел. Входи.

В гостиной было светло, несмотря на обилие высоких растений на подоконниках. Фасадные окна, по периметру оклеенные толстой бумагой, смотрели на юго-восток, навстречу утреннему солнцу, лучи которого далеко проникали внутрь комнаты. Здесь был глубокий диван с истертой бархатной обивкой и двумя подушками на сиденье, продавленными ближе к середине и более пухлыми у подлокотников. Шерстяное покрывало, небрежно перекинутое через один из подлокотников, было украшено красно-белым вышитым пейзажем, толком разглядеть который мне не удалось из-за складок. На полу лежали два ковра, один поверх другого: серый палас размером во всю гостиную и небольшой прямоугольный ковер с бахромой вдоль коротких сторон и рисунком из причудливых линий и угловатых фигур (будь я помладше или один в комнате, тут же сел бы на него и начал обводить пальцем узоры). В центре комнаты стоял кофейный столик, а у окна – круглый стол под белой скатертью, с придвинутым к нему стулом. Судя по пустой тарелке и чашке с остатками чая или кофе, за этим столом Вивьен только что завтракала. В камине, за защитным экраном, виднелись готовые к растопке дрова, но огонь еще не был разожжен. Печные принадлежности хранились в железной корзине. Щипцы. Кочерга. Совок. Жесткая метелка. И еще свернутые плотными треугольниками газеты в

плетеном коробе, предусмотрительно задвинутом в угол, подальше от очага. Среди безделушек на каминной полке мне особо запомнились небольшие часы с римским циферблатом, которые были вправлены в грубо отесанный кусок известняка.

Папа и Вивьен вошли в гостиную, присоединившись к нам с Кэти. Папа уже снял куртку и сунул руки в карманы брюк, а она крест-на-крест обхватила себя за плечи.

Они стали рядышком, этак по-свойски, словно и не расставались на многие годы. Чувствовалось, что давнее знакомство позволяет им держаться непринужденно. Она стояла сбоку и чуть впереди, так что он вполне мог ее приобнять. Со своего места я не видел, был ли между ними контакт в ту минуту.

Папа открыл рот. В тот день он показался мне особенно красивым – правда мое понимание мужской красоты не могло быть объективным при моем отце в качестве эталона.

– Вивьен была подругой вашей мамы, – сказал Папа самым серьезным тоном. – Она будет учить вас вещам, которым я научить не смогу. Она хороша как раз там, где от меня нет толку. Отныне по утрам будете заниматься с ней.

Мы с Кэти привыкли подчиняться папиным приказам. Временами наша семья больше походила на армейское подразделение, но Папа был не из тех командиров, которые заставят вас делать что-нибудь ненужное.

Вивьен заметно нервничала. В своих стенах, но не в своей тарелке. Она смотрела в пространство между нами; розовые губы побледнели, но все-таки сложились в улыбку.

А вот Папе эта затея была явно по душе. Он довольно хлопнул в ладоши и сказал:

– Стало быть, так и сделаем. Я оставлю вас тут на несколько часов. Можете начать занятия прямо сейчас.

Он повернулся и вышел из комнаты. Я услышал шорох в прихожей, когда он снимал с вешалки и надевал куртку, еще не успевшую потерять тепло его тела. Щелкнула, закрываясь, входная дверь.

Кэти с кислым выражением лица недоверчиво взирала на Вивьен. А та наконец разомкнула скрещенные руки, подошла к маленькому круглому столу у окна, где еще стояла чашка из-под чая и валялись хлебные крошки после завтрака. Выдвинула стул и села. Она смотрела на нас обоих, но все же больше на Кэти.

– Я постараюсь сделать так, чтобы эти уроки стали для каждого из вас приятным времяпровождением.

В первый же миг я подумал, что выразилась она неудачно. Кэти молча глядела на нее. При этом она не поднимала брови, не округляла глаза. Она даже губы не надула. Просто глядела, и все. Ее покоробил этот покровительственный тон. Я сразу догадался, потому что хорошо знал свою сестру – лучше, чем кто-либо, включая Папу, хотя для него Кэти была по духу ближе всех.

А Вивьен в свою очередь смотрела на Кэти, не понимая, почему ее слова остались без ответа.

Кэти со всей серьезностью относилась к папиным стараниям подготовить нас к борьбе с большим миром. Эта подготовка, похоже, добавляла ей уверенности в себе. Она хотела во всем походить на Папу и верила его словам о том, что она другая, что ей надо учиться своим особым вещам, искать собственные пути к выживанию. И раз уж Папа считал уроки Вивьен важными, Кэти была готова заниматься – по крайней мере, на первых порах.

Посему она прекратила играть в гляделки и вернулась в реальность.

– Ну и что мы должны делать? – спросила она.

Вивьен нерешительно улыбнулась.

Ближе к вечеру мы с Кэти отправились на ту поляну, где находилось наше временное жилье в период папиного строительства. Утоптанная за лето почва

еще сильнее затвердела на морозе, а нависающие ветви деревьев оголились. Два холодных пенька послужили нам сиденьями.

– Хуже не придумаешь, чем вырасти похожей на нее, – сказала Кэти, имея в виду Вивьен.

– А по мне, так она ничего, – сказал я. – Просто она мало похожа на нас, но ничего плохого в этом я не вижу.

Кэти не ответила. Она казалась печальной и встревоженной, уткнулась взглядом в кружку с чаем, которую сжимала в ладонях.

Мы вышли из дома потому, что Папа был в плохом настроении и заперся в своей комнате. Весь день он был бодрым и оживленным, но, когда солнце начало клониться к закату, около пяти часов, он помрачнел и тихонько покинул кухню. Мы не сразу заметили его отсутствие, занятые приготовлением ужина. Лишь после того, как мы поместили очищенный картофель в духовку и сели передохнуть, обнаружилось, что Папы с нами нет. Кэти пошла спросить, не хочет ли он сидра или пива перед ужином, но дверь его комнаты была заперта изнутри – и никакого ответа оттуда. Она вернулась на кухню, и, когда еда была готова, мы поужинали вдвоем, а накрытую миску с папиной порцией оставили на теплой полке над плитой. Время шло, Папа так и не появлялся, и тогда я предложил Кэти выбраться на свежий воздух.

Он уже не в первый раз вот так надолго запирался от всех, но причины этого нам были неизвестны. Конечно, мы догадывались, что он обеспокоен какими-то вещами, о которых не хочет рассказывать нам, но мы не могли знать это наверняка. Я никогда не видел его колеблющимся, растерянным или смущенным; и само собой разумелось, что я никогда не увижу его плачущим. Возможно, он бывал иным, когда запирался в комнате. Возможно, в те минуты он был самим собой больше – или, наоборот, меньше – обычного, это уж как рассудить. Но я мог только строить предположения, потому что своими глазами этого не видел.

Не дождавшись от Кэти ответа, я еще раз обдумал ее слова о Вивьен, пытаясь понять, что конкретно она имела в виду. Такое с ней случалось: вдруг начинала испытывать неприязнь к тому или иному человеку. Потом втолковывала мне, почему именно эти люди плохие, и, как правило, я принимал ее точку зрения. Но

в этот раз она не снизошла до объяснений, и мне пришлось искать их самостоятельно.

– Она не очень-то дружелюбна, – сказал я после паузы. – То есть вроде бы да и вроде бы нет. Она была вежливой и старалась помочь, тут придраться не к чему. Но при этом у нее все время был такой рассеянный вид, словно ей хотелось поскорее от нас избавиться.

Кэти по-прежнему молчала, и я выдал новую мысль:

– Она как будто нас стыдилась. А ведь там не было других людей, которые могли бы видеть ее в нашей компании. Некому было спросить, как ее угораздило с нами связаться. И все же она смущалась, причем смущение было не того сорта, когда человек не умеет или не готов что-то сделать. Казалось, ей чудится присутствие кого-то невидимого и она не хочет, чтобы эти невидимки застали ее за общением с нами.

– Я думала не об этом, – продолжила Кэти. – Я о том, как она двигается. Как она ходит. У нее самое жуткое тело из всех, какие я видела. Она не может идти прямо вперед, всякий раз ее заносит в сторону. Все дело в ее бедрах. Хотя ее не назовешь толстухой. Лишнего веса нет, но задница такая широченная, что ей никак с этим не совладать. При ходьбе таз качается влево-вправо и тянет ее за собой. Боже, это отвратительно! Ты можешь себе представить бег с такими бедрами? Как можно убежать от кого-нибудь, когда тебя тормозят собственные кости? Каково это: ощущать свои ноги пришпандоренными к такому заду? При любом ускорении мышцы перекрутятся, и колени не смогут удержать этот таз и эти бедра на одной линии со ступнями. Ты стараешься двигаться вперед, а чертовы кости тянут тебя назад. Боже, чем такая хрень, лучше сдохнуть на месте!

После паузы ее понесло дальше:

– Ты помнишь тот день у канала, Дэниел? Я сейчас уже не могу сказать точно, в каком городе и в каком году это было, зато помню, что ты был тогда в белой майке с оранжевым закатным солнцем, которую Бабуля Морли привезла в подарок с курорта, – единственный случай на моей памяти, когда она ездила куда-то отдыхать. А это значит, что тебе было лет восемь, потому что потом ты стал очень быстро расти и уже в девять или десять лет эта майка на тебя бы не

налезла. Может, Шеффилд?.. Точно не поручусь, да оно и не суть важно. Мы тогда были вдвоем, без Папы. Наверно, отправился на кулачную драку куда-то за город. Ну вот, значит, шли мы с тобой вдоль канала. И уже на закате увидели ту женщину под мостом. Она сидела с высоко задранными коленями и баюкала в ладонях собственное лицо, будто ее щеки были чем-то самым мягким и нежным, чего ей случалось касаться, и она только сейчас впервые в жизни до них дотронулась. Мы прошли мимо нее; под мостом были лужи блевотины и кучи золы, но никаких следов пожара – зола просто лежала на мощеной дорожке. Там же валялась раскрытая сумочка, из которой выпали на землю бумажные салфетки, помада и все такое, но женщина этого вроде как не заметила и уж тем более не поднялась, чтобы собрать свои манатки. Пахло истоптанной и увядшей травой и еще пахло псиной. А в тени был мужчина. Помнишь того мужчину, почти совсем скрытого тенью моста? Того, что стоял на грязевой обочине за пределами тротуара?

– Я не помню ничего из этого, – сказал я.

Так оно и было. Но я вспомнил, как позднее на той неделе в новостях сообщили о пропавшей женщине, которую в последний раз видели на берегу канала. И вспомнил, как сестра рассказала нам о женщине под мостом и маячившем там же мужчине.

– Но ты же мне веришь? – спросила она умоляюще.

– Да, конечно, я тебе верю.

– И ты веришь, что я была права? Насчет мужчины, который скрывался в тени и потом спихнул ее в воду?

Я посмотрел ей в глаза. Полиция тогда неделями искала Джессику Харман, девятнадцати лет, пока ее тело не обнаружили у плотины в нескольких милях ниже по течению. После опознания они пришли к выводу, что смерть наступила от естественных причин. По их словам, она была пьяна и по пути домой случайно свалилась в канал, а сильное течение после недавнего паводка унесло ее далеко от места гибели. Впрочем, к этому выводу они пришли еще до того, как отыскали тело. Как было установлено, тем вечером она выпивала в компании друзей. Полиция не выявила никого, кто имел бы мотив для ее убийства. А потом нашлось тело, и они решили, что их версия подтвердилась. Но Кэти была

уверена, что видела Джессику Харман и какого-то мужчину, который вскоре после того столкнул ее в воду.

Спустя две недели у шлюза еще ниже по течению было найдено тело студента. И опять полиция решила, что он свалился в канал, будучи пьяным, или же покончил с собой. А мы снова вспомнили о мужчине средних лет, которого Кэти заметила в тени моста и которому не составило бы труда, появившись внезапно из своего укрытия, скинуть прохожего в воду. Это и на убийство-то не походило: легкого тычка локтем было бы достаточно для человека, и так нетвердо стоящего на ногах. Незнакомец без особых примет. Такого никогда не поймают, если только кто-нибудь не застанет его на месте преступления.

И вот Папа по просьбе Кэти стал наводить справки в округе. Он ничего не выяснил, но все равно продолжал поиски. Неделю за неделей он по ночам ходил вдоль каналов, но не заметил ничего необычного. Он сказал, что, если там и скрывался убийца, подстерегавший молодых женщин, папино присутствие должно было его отпугнуть.

Разумеется, мы ничего не сообщили полиции. Нам с Кэти это даже в голову не пришло. Доверия к ним у нас не было. Как и у них к нам.

Однако Кэти мы все верили.

Глава пятая

За неделю до Рождества морозы усилились. С похолоданием я сделался вялым и малоподвижным. Обычно всегда готовый помочь Папе с работами на улице, я теперь все больше времени проводил на кухне, беря на себя лишь те обязанности, которые позволяли оставаться в помещении. Я следил за тем, чтобы печь регулярно протапливалась, а запас дров в подсобке был достаточно велик и не требовал слишком частых походов за ними наружу. Я делал уборку в доме, пек пироги и кексы для рождественского застолья. В самый канун Папа посетил магазин в деревне и принес оттуда разноцветные листы бумаги – золотистой, серебряной, красной, белой и зеленой, – и я занялся изготовлением украшений с помощью ножниц и клея.

Усевшись за кухонный стол, я делал снежинки, как нас учили в школе. Я вырезал круги и, сложив их вчетверо, проделывал надрезы по краям, так что в развернутом виде эти листы превращались в подобие иззубренных, но симметричных кристалликов льда, падающих с небес. Золотая бумага пошла на звезды, а из зеленой я вырезал контуры деревьев. Зимних деревьев. Скопировал все немногие сосны в нашей роще, поскольку лишь они оставались зелеными. С тех же сосен Папа нарезал веток с шишками для венков и гирлянд, которые я постарался сделать по возможности красивее, беря за образцы рождественские открытки.

– Забавный ты парень, – сказал мне Папа утром в канун Рождества.

Было около девяти, и он уже провел за работой несколько часов. Он покормил кур и выпустил на прогулку щенков, к тому времени превратившихся в крупных, долговязых, вечно растрепанных недорослей с острыми молочными резцами. Ночью прошел снег, и Папа расчистил подступы к дому, накидав там и сям сугробы, похожие на извилистую гряду разновеликих гор. Щенки оставили на снегу множество глубоких следов и теперь штурмовали эти новые вершины.

– Что во мне забавного? – спросил я.

– Так сразу и не объяснишь. Ну вот, к примеру, эта возня с украшением дома и все такое.

С этими словами он сел к столу, выдвинув стул, а я поднялся, чтобы наполнить его чашку из кофейника, который давно уже стоял на плите. Мы всегда подолгу готовили кофе, часами держали его на горячей полке, и он получался крепко настоянным, горьким, с дымком. Именно таким мы его любили.

Я подал Папе обильный завтрак, покончив с которым он вновь отправился на холод по своим делам.

Остаток утра я провел, занимаясь бумажными украшениями, которые затем развесил по всему дому. Часть резных фигур я пропихнул в щели между оконными рамами, и теперь стекла казались покрытыми естественными морозными узорами. Другие я прилепил к шкафам, пристроил на полках или в рамках картин. Я подвесил цепочки из золотых, серебряных, красных, зеленых и белых колец – сделанные из остатков и обрезков – на крюки под потолком кухни,

изначально предназначенные Папой для хранения вяленого мяса.

К обеду Папа не появился. Это было необычно, тем более в такой холодный день. Какое-то время я провел у окна в ожидании, но не дождался и тогда налил овощной суп в миски для себя и Кэти. Мы обменялись парой слов касательно задержки Папы, а в остальном обед прошел в безмятежном молчании.

Но с наступлением вечерних сумерек я начал волноваться. Не из-за позднего времени – еще не было и четырех, а в это время года и очухаться спросонок толком не успеешь, как уже наступает вечер. Однако Папа крайне редко оставался снаружи весь день до сумерек, не заглядывая домой ни разу, чтобы подкрепиться. Если и не полноценным обедом, то хотя бы овсяной лепешкой. А ведь нынче был сочельник. По такому случаю я приготовил настоящее пиршество: горячие пироги и тушеные овощи на этот вечер, а назавтра нашим главным блюдом был назначен жареный гусь. Кэти специально осталась дома, чтобы попрактиковаться в исполнении рождественских гимнов на своей скрипке. При этом ее смычок слишком энергично двигался по струнам, скорее в стиле разухабистой матросской песни, но я все же узнавал мелодии гимнов и даже стал мычать в такт, когда она разошлась не на шутку, а временами – если знал слова – подпевал во весь голос.

Когда уже совсем стемнело, я подумал, что надо бы взять фонарик и отправиться на поиски Папы, однако мир снаружи был слишком большим и после снегопада выглядел непривычно. Я неплохо изучил нашу рощу, но все равно сомневался, что смогу там ориентироваться при свете фонарика и его отражений от яркой снежной белизны, которая поглощала знакомые краски и приметы ландшафта. И потом, я не был уверен, что Папа вообще находится в роще. Чаще всего он работал там, но не всегда. Перед уходом он упомянул о каком-то незаконченном деле, но сказал, что это не займет много времени.

Затем я вспомнил об инструментах, которыми он пользовался в лесу. Об острых топорах, мачете и пилах. И мне представилось, как он ненароком поскальзывается и рассекает себе бедро, где находятся главные глубокие артерии, и умирает на холоде и его кровь сначала растапливает снег вокруг, а потом застывает потеками красного льда.

Я уже надел ботинки и куртку, когда Папа возник на пороге. В прихожей было темно, поскольку я затворил кухонную дверь, чтобы не выпускать тепло, так что Папа был освещен только звездами снаружи и желтоватым огнем переносного

фонаря, который он держал перед собой.

– Собираешься на прогулку? – спросил он.

– Хотел проверить, куда ты подевался.

– Где твоя сестра?

Он не стал дожидаться ответа и громко ее позвал. Скрипичная музыка тотчас оборвалась, и Кэти вышла из комнаты в прихожую.

– Пойдемте со мной оба, – сказал Папа.

Кэти мигом вставила ноги в сапоги, метнулась к вешалке и напялила все свои шерстяные одежды, довершив наряд темно-синим макинтошем. Вслед за Папой мы вышли на холод и плотно прикрыли за собой дверь. Отпечатки его ног вели к дому от края рощи, и мы направились по ним обратно, стараясь ступать след в след, чтобы не месить снег без лишней надобности. Оголенные ясени и орешники содрогались при каждом порыве ветра. Их ветви обледенели и покрылись хлопьями снега – в особенности орешник, густые многолетние заросли которого позволяли снегу обильно накапливаться, уплотняться, подтаивать и вновь замерзать уже в виде льда. На верхних ветвях в разгар солнечного дня отрастали сосульки, когда неторопливая капель была застигнута на пути вниз повторным заморозком.

Мы шли вглубь рощи. Фонарь покачивался в папиной руке, когда мы огибали деревья, и вместе с его светом качались тонкие тени ветвей, уже потерявших листья. А когда мы проходили мимо вечнозеленых сосен, тени мохнатились – свет слабенько просачивался сквозь разлапистые хвойные ветви, как вода через собачью шерсть.

А затем освещение начало меняться, и тени теперь направлялись навстречу нам, отбрасываемые каким-то новым светом впереди. И этот свет становился все ярче с каждым нашим шагом, пересиливая огонек папиного фонаря. Но мы еще не могли распознать его источник, заслоняемый стволами деревьев и заснеженным подлеском. Пока что мы видели только свет, отражаемый снегом, и по мере нашего продвижения лес вокруг просматривался все отчетливее.

Но вот мы обогнули здоровенную сосну и наконец поняли, откуда исходило свечение. Там стояла еще одна, гораздо меньшая, сосенка – ниже папиного роста, – и вся она была усеяна горящими лампочками. Приглядевшись, я обнаружил, что лампочки были сделаны из обыкновенных молочных бутылок, подвешенных за горлышки к ветвям. Каждая бутылка была на четверть заполнена маслом с тонкой жестяной крышкой поверх него и фитилем, пропущенным через дырочку в ее центре. Эти крышки не позволяли маслу внутри вспыхнуть разом, так что горел только кончик промасленного фитиля. Воздух в верхних трех четвертях бутылок циркулировал вокруг сочно-янтарного пламени; при этом огоньки соседних ламп отблескивали от их стекол и преломлялись в слоях масла, которое мерцало и слабо двигалось, затягиваемое в фитиль, – двигалось едва заметно, как наплывает на берег спокойная вода под воздействием земного вращения. Это было здоровское зрелище.

Мы простояли там с полчаса, глядя на лампочки, покачивая их для игры света, дымя сигаретами, болтая о разных вещах и вдыхая холодный лесной воздух. Обратный путь до дома мы проделали в молчании, уже истратив весь дневной запас слов. Позднее той ночью, забравшись в постель, я почувствовал себя особенно уютно. Мягкие одеяла приятно контрастировали с колючим холодом снаружи. Я укрылся ими по самые ноздри и сразу заснул, успокоенный этим теплом и привычным запахом давно не стиранного белья.

Утро Рождества началось с яркого солнца, а завершилось дождем со снегом. Если сначала пейзаж сверкал белизной, а небо отблескивало глянцем, то к полудню мир за окнами сделался матово-мутным.

Мы пожарили и съели гуся, а Кэти сыграла на скрипке гимны.

Той ночью мы снова ходили к рождественскому дереву и потом повторяли эти походы двенадцать ночей подряд, вплоть до кануна Богоявления. Папа сказал, что так положено. Он заправлял и вновь зажигал лампы всякий раз перед нашим приходом, так что мы всегда наблюдали одну и ту же картину. Смешанный запах парафина и сосновых игл висел в нагретом воздухе. Горящее масло слабо потрескивало и шипело.

Когда праздники закончились, Папа снял молочные бутылки с ветвей, сложил их в ящик и убрал в кладовую, где хранились его инструменты. Он сказал, что

через год мы снова ими воспользуемся, как и моими бумажными украшениями. Но через несколько дней мы с Кэти обнаружили в нашей поленнице кучу обгорелых веток с пожелтевшими иглами. Ветки с нашего рождественского дерева. Кое-где иглы были еще зелеными, и на срезах виднелось живое дерево, но где-то ветки прочернились насквозь, стали сухими и хрупкими, а от мелких побегов остались только прутики с развилками. Как опаленные перья огромной птицы. Видимо, в тех местах лампы дали протечку, и масло выгорело разом.

Мы обошли рощу, оценивая причиненный ущерб. Там обнаружились и другие свежесрезанные ветки, но угольно-черных уже не было. Папа удалил их все. А сама сосенка выглядела жиденькой. Она была изранена – точнее, даже не изранена, а искалечена. Теперь она выглядела жалкой по сравнению со своими пушистыми ровесницами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Остатки Элмета» – книга стихов британского поэта-лауреата Теда Хьюза (1930–1998), опубликованная в 1979 г. и посвященная описанию его родных мест в западном Йоркшире. – Здесь и далее примеч. перев.

2

«Аделанте» и «Пендолино» – марки скоростных пассажирских поездов, используемых в Великобритании; при этом «Аделанте» являются дизель-поездами, а «Пендолино» – электропоездами.

3

Странники – имеются в виду кочевые этнические группы в Ирландии, Великобритании и США, по образу жизни и ряду обычаев схожие с цыганами, но генетически восходящие к коренному населению Ирландии и Шотландии. «Ирландские странники» шире распространены и гораздо более многочисленны – ок. 60 тыс. по сравнению с 2 тыс. «шотландских странников». Язык и тех и других основан на гэльском, но с многочисленными заимствованиями из других языков и намеренными искажениями слов, которые затрудняют его понимание посторонними.

Купить: https://tellnovel.com/mozli_fiona/elmet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити